

**В октябре
прошлого года
в Полтаве
собралась первая
Всесоюзная научная
конференция
по историческому
краеведению.**

Казалось бы, странно:
за семидесятилетнюю
историю — первая.
И все-таки это так,
хотя краеведение
в нашей стране,
продолжая
дореволюционные
культурные традиции,
в первые же
послереволюционные
годы стало массовым,
к концу двадцатых
годов достигло
своего расцвета
и на этом взлете
в 1929—1932 годах
практически
прекратилось.
Множество людей,
отдававших
этому делу жизнь,
были отстранены
от излюбленных ими
занятий.
Поэтому в известной
степени сейчас
приходится начинать
все заново, то есть
возвращаться
к существовавшему
уже осмыслению

Образ города

даже самого понятия краеведения, а также к реабилитации, если так позволительно выразиться, великого множества работ уже ушедших от нас людей, стоявших у самых истоков советского краеведения.

Осмыслению науки краеведения были посвящены тезисы доклада академика Д. С. Лихачева, в которых он оценивает «значительность происшедших на изучаемой территории событий и связанных с этой территорией людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей и важность природных данных». Д. С. Лихачев приходит к выводу, что это «гораздо более «воспитывающая наука», чем многие другие, требующая от человека неравнодушного отношения к предмету и выводам своего изучения». Не говоря уж о массовости, «краеведение — научная дисциплина, облагораживающая предмет своего изучения единственно своим изучением». «Краеведение придает местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм, открывает в его прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем».

Недаром и выступление, присланное Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в Полтаву, посвящено образу города, но взятому из хорошо забытых или многим и вовсе не известных произведений людей, трудившихся в первых рядах того, прежнего уже для нас краеведения.

Д. Лихачев, академик

В последнее время большое беспокойство в специальной научной литературе, в публицистике и выступлениях по поводу современной архитектуры вызывает потеря городами своих отличительных, характерных черт — безликость архитектурная и в широком смысле градостроительная.

Архитекторы, планирующие развитие городов, по большей части крайне поверхностно знают историю планируемого ими города, не имеют представления о том, что в этих городах ценного в градостроительном отношении, какие градостроительные идеи в этих городах развивались. Простейший пример. В Новгороде Великом большой современный театр выстроен тылом к Волхову. На центральной площади в Новгороде - Северском Центральный универмаг также выстроен тылом к Десне и закрыл собой вид на Десну и заречные заливные луга. И в том, и в другом случае градостроители даже не представляли себе, что древнерусские города строились лицом к реке: именно река была центральной магистралью города.

Только история городов, взятая в ее краеведческом смысле, может помочь градостроителям сохранить или даже обогатить «образ города» — его «душу», усилить эмоциональный аспект городской архитектуры, столь важный в древности и столь необходимый в будущем.

Русское краеведение пережило в начале XX века свой наивысший подъем, в котором участвовали две выдающиеся личности: профессор И. М. Гревс и его ученик Н. П. Анциферов. И. М. Гревсом были заложены основы городского краеведения. Ему принадлежит целый ряд трудов, посвященных созданному им «экскурсионному методу» обучения

Фото В. Брега

истории, но который по существу мог бы быть причислен и к методу изучения того, что И. М. Гревс называл «образом города» или, более эмоционально, «душой города».

И. М. Гревс так определял значение городов в познании исторического прошлого страны: «Города — это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город — центр, в одно время, культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города прекраснейший путеводитель ее хода и судеб»*.

Отсюда следует, что в сохранении исторической преемственности развития культур изучение и сохранение образа городов играет первостепенную роль.

И. М. Гревс говорит о наглядной «био-

Изучение истории города, наглядное ощущение этой истории для И. М. Гревса основная часть «реального и монументального исторического родниоведения». Последний термин («родниоведение») также создан И. М. Гревсом. Ни в коем случае изучение биографии города, его образа не должно, с точки зрения И. М. Гревса, ограничиваться его «сильными памятниками». Образ города составляют его планировка, взятая в ее историческом аспекте, рядовая застройка города, создававшаяся веками, рельеф местности, связь с окружающей природой, путями сообщений, окрестностями и т. д.

Без всего этого невозможно и думать о познании образа города, а для архитекторов — о сохранении исторической преемственности в новой застройке.

При этом И. М. Гревс справедливо полагал, что, изучая историю города, нельзя ограничиваться одними документами, историческими планами города, литературными источниками и так далее. Необходимо наглядное, зрительное и вместе с тем эмоциональное восприятие истории.

*Образ города у
каждого свой.
И складывается
он, как мозаичная
картина, из самых
разных впечатлений,
иногда случайных,
иногда
конкретных,
вполне
продуманных.*

графии» городов, наблюдаемой более или менее открыто для его жителей и посетителей. Изучая город, нельзя ограничиваться лишь «внешней физиономией его». «Надобно изучить его биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность — и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа... Необходимо уразуметь процессы, какими эта душа слагалась, на какой почве, из какой цепи влияний и смены обстоятельств, — и к чему в конце концов привело город его прошлое»

* И. М. Гревс. Монументальный город и исторические экскурсии. — Журнал «Экскурсионное дело» под редакцией профессора И. И. Полянского и академика В. М. Шимкевича. Петроград, 1921 год, № 1.

В самом деле. Если современный градостроитель или архитектор отдельного здания хочет создать эмоциональный образ города, района, — он обязан знать и тот эмоциональный образ («душу») города, которая заключена в нем как в целом, а также в том районе, который архитектор собирается обнести своим творением. Не ломать образ города, а совершенствовать его или, по крайней мере, сохранять, оберегать — такова естественная задача любого строителя, создателя нового памятника или озеленителя, если только, конечно, он ценит создававшуюся столетиями красоту города, в котором он строит.

смотривает город на земле** в рамке окружающей природы, как физической среды, в которой разворачивается его многообразная жизнь. Здесь имеется в виду страноведение местности данного города в широком смысле: ее геология, рельеф и орошение, климат и почва, флора и фауна, естественные богатства и, наконец, мир человека, антропология и особенно этнография населения. В том же кругу чрезвычайно важно тщательное изучение, более специальное, географического положения местности, ситуация ее во всей стране: этим подготавливается понимание очень многого в условиях возникновения города и его развития». И этим в значительной мере определяются условия рождения города.

И. М. Гревс указывает, какое огромное значение имеет изучение топографии города для понимания образа Рима, Афин, Александрии египетской, Киева, Москвы, Петербурга, а несколько дальше таких выдающихся городов нашей страны, как Чернигов или Нижний Новгород.

И. М. Гревс рекомендует не ограничиваться картами и планами, а закрепить свое понимание планировки города с птичьего полета, поднявшись на башню, колокольню, барабан над куполом самого высокого храма. В Петербурге — взойдя на галерею Исаакievского собора над большим золотым его куполом, в Риме — на собор Святого Петра и так далее. При этом И. М. Гревс предупреждает: «взды a vol d'oiseau не особенно хороши в отношении художествен-

В каком же порядке должно вестись изучение образа города и с чем должен считаться архитектор? И. М. Гревс дает на это ряд последовательных ответов, сохраняющих до сих пор всю свою силу. Постараюсь кратко изложить основную программу изучения образа города, пользуясь, где это возможно, словами самого И. М. Гревса.

«Прежде всего, взгляд историка рас-

** Здесь и ниже все выделения слов принадлежат И. М. Гревсу.

В «работу» над образом «идет» и строй домов, и скат крыши, и проем окна, и лепнина фасада, и дерево в сквере.

лика» изучаемого, часто таинственного и сложного существа. Некоторые из мировых городов, перлов культуры и вечных объектов экскурсионного изучения, дают для этого, по самой ситуации своей, отличные возможности. В таком смысле одинаково неподражаемы и величепны, каждый по-своему, виды Москвы с Воробьевых гор, Киева от памятника кн. Владимира, а на Западе — Рима с Яникула, Флоренции от Сан-Миниато или из Фьезоле, Парижа с Монмартра или из Сен-Клу. Кто это видел, тот испытал не только незабвенные впечатления, но и получил глубокие и прочные исторические образы».

В сноске к этому месту И. М. Гревс указывает для русских городов виды на Калугу с гребня возвышенности за Окою, на Харьков с так называемой Холодной горы, на Владимир с соседних холмов и другие. В русских городах огромную роль обычно играют виды на город из-за озера (Белозерск, Петрозаводск, Ростов Великий, Переславль Залесский и так далее), или из-за реки (таковы виды во всех волжских городах, городах по Сейму, Десне, Днестру, Днепру и так далее), или боковые виды с набережных в Ярославле, Горьком (Нижем Новгороде), Костроме и так далее. Все эти виды, безусловно, должны охраняться градостроителями, и при этом не только видовые точки сами по себе, но и те виды, которые с них открываются. Застройка речных или проречных частей русских и украинских городов может вестись только с крайней осторожностью. Ибо и виды на заливные луга, на водные пространства озер и рек (сравнить, например, потрясающий вид из центра Горького — Нижнего Новгорода — на заволжские и закамские просторы), создавая гармоническую связь города с природой, носят своего рода успокаивающий, целебный характер и поэтому особенно любимы местными жителями.

ном: в них стирается рельеф, все сплющивается, теряет телесность, нарушаются отчасти пропорции». Для того чтобы противостоять этому «распластывающему» воздействию видов сверху, очень важны, с точки зрения И. М. Гревса, традиционные видовые точки, с которых открывается обзор города сбоку. И. М. Гревс пишет: «В дополнение к указанному ознакомлению с панорамой города а *vol d'oiseau* существенно искать **общих видов** иного характера, так сказать сбоку, из некоторого отдаления: они не откроют плана, но дадут часто чудные «фасы» и «профили», полные своеобразной жизни, прелести и значительности; они раздвинут перспективы для уразумения «психического об-

Для образа города хотелось бы указать на важность рядовой застройки и ее характера. Нельзя нарушать фронт домов, заменяя его микрорайонным типом застройки. Это особенно важно в Ленинграде, где типичная уличная застройка XIX века создает значительную часть облика города. При этом, как в Ленинграде, так и в других городах архитектура рядовых домов XIX века обладает свойством особой «архитектурной уживчивости» — и с домами других эпох, и с выдающимися произведениями архитектуры, которые они окружают.

В Древней Руси этой «архитектурной уживчивостью» обладали обычные деревянные дома, в которые были вкраплены отдельные каменные церкви. Застроенная районы между отдельными охраняемыми зданиями, надо стремиться к тому, чтобы либо сохранять облик района прежним, либо в какой-то степени делать его нейтральным.

И. М. Гревс считает необходимым делать отчетливо различимым город по выдающимся строителям: «Петербург Трезини, Растрелли, Росси и т. д.». И сохранять даже Петербург («style moderne или в возрождении нового классицизма»). В облике города И. М. Гревс считает возможным оберегать по возможности характер районов, типичных для произведений того или иного писателя. И. М. Гревс имел в виду сохранение в Ленинграде элементов Петербурга Достоевского, Петербурга Пушкина, Гоголя. Это он называл «подходом литературным»: «отражение города в разные

моменты его жизни в творчестве писателей-художников, изучение его природы по толкованию великих поэтов».

Далее, и это особенно важно, следует «захватывать не одни художественные произведения архитектуры, скульптуры, живописи и малых искусств, — но и деловые: рядом с храмами и дворцами привлекать заводы, больницы, мосты, водопроводы... изучать оборудование библиотек, канцелярий, мастерских...», то есть входить уже во внутренность зданий, рассматривать как часть «образа» города содержимое его музеев.

И М. Гревс был в высшей степени прав, когда утверждал, что, сохраняя и изучая историю города, мы выполняем «не тему из истории искусств, как таковую: последнее входит в дело лишь как составной элемент. Тут ставится **общественно-историческая** задача: мы изучаем **биографию коллективного существа**, а «жизнь лица» составляется из многообразных сторон. Так и жизнь города должна познаваться в ее **экономической, вещественно-бытовой, и социальной, политической, умственной, художественной и религиозной** природе и правде».

Напомню слова одного из первых деятелей возрождения понимания красоты Петербурга в начале XX века — В. Я. Курбатова: «Санкт-Петербург стал городом Медного всадника — «полночных стран красотой и дивом», и не только по своим грандиозным сооружениям, но и по цельности своего облика», для которого были характерны «ряды скромных, но совершенных по пропорциям и немногим украшениям домиков»*.

Изучая образ города, мы не должны забывать, что образ города складывается из образов отдельных его районов. В Ленинграде — это центр, Васильевский остров, район бывшей Коломны, Выборгская сторона, Петроградская сторона и

Эмблема из журнала «Экскурсионное дело». Именно в этом журнале публиковались статьи по краеведению И. М. Гревса и В. Я. Курбатова.

* В. Я. Курбатов. Эстетические и художественно-исторические экскурсии. Журнал «Экскурсионное дело», Петроград, 1921, № 1.

другие, которые также должны сохраняться в их цельности и неповторимости.

«Радиус наблюдения можно сокращать и дальше, сосредоточивая внимание в еще более тесной и индивидуализированной сфере: брать объектом (изучения.— Д. Л.) **концы, улицы и урочища**. Это касается почти всех русских исторических городов — будь то Новгород, Псков, Углич, Ярославль, Горький (Нижний Новгород) и прочие. «Действительно,— пишет И. М. Гревс, в целом ряде старых городов Франции, Германии, Италии, начиная даже с античного Рима, находим **ремесленные концы и улицы**, заселенные суконщиками, металлургами, ювелирами, печатниками, художниками, даже учеными и учащимися (университетские, школьные концы: Латинский квартал в Париже). Констатирование таких соединений открывает нам многое в особенностях развития города, его реального, повседневного интимного быта».

Не буду перечислять всех тех объединяющих принципов, по которым может изучаться история города, не только как целостного объекта, но и как совокупности многосторонней его жизни. Подобно тому как в общую историю входит история культуры, история отдельных искусств (театра, литературы, архитектуры и так далее), история науки, история отдельных замечательных лиц, так и история города может быть разделена на целый ряд специальных историй, каждая из которых должна учитываться в истории города.

Совершенно прав И. М. Гревс, когда утверждает, что образ города не отделен от образа его окрестностей. «Рим, Париж, Флоренция становятся вполне ясны в своих таинственно-многозначительных лицах только при соприкосновении с типичными «филиалами». — Рим с Тиволи, Альбано, Фраскати, Палестриной, Витербо. — Париж с Сен-Клу, Фонтенбло, Шантильи, Сен-Жерменом и Верса-

лем,— Флоренция с Фьезоле, медичейскими виллами, даже дальше, с Прато, Пистойей и Ареццо. Только вместе дают они всю правду о великом прошлом руководившего ими центра. Так же точно уяснению Москвы прекрасно служат окружающие ее монастыри и царские, либо княжеские дворцы и поместья, а душу Петербурга прекрасно толкуют Петергоф, Царское, Павловск, Гатчина и Ропша, Ораниенбаум, Кронштадт и Шлиссельбург».

Сады и парки в окрестностях Петербурга, воздвигаемые одновременно с самим городом, полным садов, должны были служить созданию образа «Парадиза» от Охты до Ораниенбаума и Котлина.

Характер окрестностей города связан с его историей чрезвычайно тесно. Вспомним, например, что окружающие дворцы и парки Ленинграда строились одновременно с городом. Кольцо пригородов было той оправой искусств, в которой Петербург-Ленинград всегда был центром. Ни один город мира не строился в таком плановом порядке вместе со своими окрестностями. Совсем иное в Москве, где «подмосковные» строились в различное время и не были объектом градостроительного замысла, как это было в Петербурге.

Таким образом, мы видим, что краеведческое изучение и краеведческое сохранение городов имеет чрезвычайно сложную, богатую и трудную структуру.

Однако как сохранить образ города в современных условиях разрастания населения, транспорта, промышленности и так далее? Ясно, что строительство по окраинам не спасет город как культурный центр, особенно если иметь в виду то, что только что было сказано о роли окрестностей в создании «образа города», его «души». Разрастание пригородов в конце концов раздавит город. Ответ на этот вопрос должны дать градостроители. Им надлежит создать новые приемы градостроительства, которые по-

зволнили бы сохранить старые города, как важнейшие ценности нашей истории. Здесь могут быть предложены различные способы: создание неведальке от исторического города в продуманной связи с ним городов-спутников, или создание цепи линейных городов, объединенных скоростной транспортной системой.

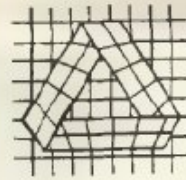
Так, например, предотвращению безудержного разрастания Москвы и Ленинграда могло бы служить создание ряда городов и поселений по скоростной транспортной линии между Москвой и Ленинградом. Все строительство должно было бы быть снято из окружения этих двух городов и направлено навстречу друг другу по линии Октябрьской железной дороги, в тесном соседстве с которой могли бы быть построены другие транспортные линии: однорельсовые, автомобильные и так далее. Через несколько столетий Ленинград и Москва соединились бы в единый линейный мегаполис Москволенинград при полном сохранении исторической части городов Москвы и Ленинграда в их современном объеме. На линию Москволенинграда могла бы быть вынесена часть фабрик, учебных заведений, созданы все условия по соединению застройки с природной средой. Это облегчило бы строительство очистных сооружений и сделало бы доступными для миллионов жителей музеев, театры, высшие учебные заведения, библиотеки и так далее обоих крупнейших городов нашей страны. Для таких линейных мегаполисов не стояли бы вопросы с ограничением населения пропиской или другими способами.

Нам необходимо полное сохранение истории, полная визуальная доступность этой истории для всех рядовых жителей страны и без всяких ущемлений транспортных нужд и среды обитания.

Для сохранения исторических городов нужны новые, широкое планы строительства: направление отпускаемых государством на строительство средств по правильному пути. Путь этот должен разрабатываться градостроителями совместно с историками, историками искусств, социологами, экономистами, экологами и техниками.

Нашим лозунгом в области строительства на XXI век должны быть слова: изучим, сохраним все ценное, преумножим богатства и средства среды обитания.

В заключение мне бы хотелось напомнить о том, что память — это не сохранение прошлого, это — забота о вечности. Память в одинаковой мере стремится к сохранению прошлого для вечности, настоящего для вечности и будущего для будущего, чтобы оно тоже в свою очередь не ушло и служило вечности. Память — это форма воплощения вечности и преодоления времени. ●

Как умирают звезды

Все звезды на нашем небе увы, обречены. Их ждет, пусть даже и через миллиарды лет, один из трех вариантов завершения «жизненного пути»: превратиться в нейтронную звезду, либо вспыхнуть ненадолго Сверхновой, или «тихо» уйти и стать незаметной черной дырой. Во всех случаях физическим механизмом служит коллапс — гравитационное сжатие. Как оно происходит, никто до конца не знает, можно только строить модели, основанные на физико-математических расчетах, и потом сопоставлять их выводы с реальными событиями на небосводе, если таковые там удастся заметить. Одну из таких моделей разрабатывает группа исследователей из Института космических исследований АН СССР, МГУ имени М. В. Ломоносова и Института прикладной математики АН СССР.

Взяв за основу особый вид системы координат, ученые рассчитали ход событий при коллапсе самогравитирующего объекта — однородного вращающегося облака раскаленного газа, что вполне заменяло в расчетах реальные умирающие звезды. Как же происходит коллапс? Облако начинает сжиматься заметно сильнее у полюсов, нежели вдоль экватора. В момент максимального сжатия в недрах тела зарождается встречная ударная волна. Она быстро возвращает облаку его первоначальную шаровую форму, однако с радиусом в полтора раза большим. Затем снова наступает сжатие, но уже более плавное. После нескольких таких колебаний «расширения — сжатия» от звезды остается сильно сплюснутый и быстро вращающийся диск. Его-то и следует считать конечной стадией коллапса, ибо дальше с ним, похоже, уже ничего не происходит.